

Снова мы встретились, Сун Хуаймин. Удивлен ли ты, заведев меня теперь, когда сам пребываешь в столь жалком положении?

Впрочем, выражение его лица было сложно описать одним лишь словом «удивление». Он быстро совладал с собой, спрятав подступившее изумление. Его взгляд казался спокойным, но в его взгляде читалось сомнение, смешанное с долей настороженности. Что ж, он не зря считался опорой Восточной Мин и прославленным полководцем — выдержки ему было не занимать. Вот только если прибавить к моей нынешней жизни годы из прошлой, то по опыту мы окажемся ровесниками. К тому же в этом мире мне довелось повидать немало сцен, которые прежде я и вообразить не мог, так что мой дух закалился и стал куда зрелее. Передо мной он, по правде говоря, все еще выглядел желторотым юнцом.

— Генерал Сун, вам не положено ли нести службу на заставе Рассвета, охраняя границы? Почему же вы в таком плачевном виде? И по какой причине решили тайно проникнуть в Пристанище Феникса?

Услышав название усадьбы, он на мгновение дрогнул, но это замешательство тут же сменилось еще более глубоким недоумением.

— Здесь... Пристанище Феникса?

Голос его звучал хрипло, надтреснуто. По доброте душевной я налил ему воды и помог приподняться, прислонив к спинке кровати, чтобы он мог пить медленно, глоток за глотком. Казалось, раны причиняли ему невыносимую боль — он страдальчески нахмурился. Я едва заметно улыбнулся и, дождавшись, пока он переведет дыхание, снова заговорил:

— Кажется, первым задал вопрос именно я. К тому же обычно объясняться должен тот, кто вторгся в чужие владения, не так ли?

— Вторгся? — Он проигнорировал мое замечание и задал встречный вопрос, после чего добавил: — У меня не было намерения наносить оскорбление. Сун и впрямь не ведает, как очутился здесь. Скажите, молодой господин...

Я негромко рассмеялся.

— Генерал Сун, только не говорите мне, будто вы меня не узнали.

— Ты... — Изумление, которое он едва подавил, вновь отразилось на его лице. — Неужели... ты и впрямь Цинмин?

Я лишь загадочно улыбнулся, не подтверждая и не отрицая. Его потрясение усилилось, и вдруг он едва заметно улыбнулся.

— Цинмин? Неужели это правда ты? Подумать только, как ты вытянулся!

У меня невольно дернулся глаз. Прошло пять лет — если бы подросток в период созревания не рос, он был бы монстром, а не человеком. Приняв вид послушного ребенка, я ответил:

— Вижу, вы наконец-то меня вспомнили.

— Да, в те годы ты был совсем крохой, но умудрился уложить всю нашу группу. Воистину, достойный ученик Государственного наставника.

Глядя на то, как он с ностальгией пускается в рассуждения, свойственные скорее старикам, я почувствовал еще большую досаду. Значит, он с самого начала раскусил мою ложь? Впрочем, неважно. Порой личина ребенка — весьма удобный инструмент.

— Значит, это он велел вам так поступить? Что ж, сочувствую — вам пришлось несладко в роли моих подопытных кроликов.

— Государственный наставник говорил о тебе с великой гордостью. Сказал, что обрел смышленного и послушного ученика. — Он вдруг словно что-то вспомнил и спросил: — Кстати, где мы?

«Разве я только что не сказал?» — вертелось у меня на языке, но я сдержался.

— Это Шэнцзин. Усадьба Пристанище Феникса. Мой дом.

— Шэнцзин? Пристанище Феникса?! — Его голос невольно сорвался на высокую ноту. — Неужели то самое? Которое называют культурным центром Восточной Мин и жемчужиной Шэнцзина?

Я мысленно чертыхнулся. «То самое»... Будто этих Пристанищ тут пруд пруди. А эти пафосные названия — «культурный центр», «жемчужина столицы» — явно плод дурновкусия Сун Нина. Кроме него, до такого бы никто не додумался.

— Да, именно «то самое» Пристанище Феникса.

— Ты говоришь, это твой дом? Значит, ты и есть владелец Пристанища? Тот самый Оу Сян, которого величают первым талантом Шэнцзина, первым красавцем Восточной Мин и богатейшим купцом в Поднебесной?!

— Ну, кажется, эти нелепые слухи действительно относятся к моей скромной персоне.

Я отвечал сквозь зубы, про себя обещая Сун Нину скорую расправу. Все эти титулы, становящиеся день от дня все чуднее, сводили меня с ума.

К моему удивлению, Сун Хуаймин, несмотря на тяжелые раны, просиял и рассмеялся:

— Кто бы мог подумать! Ох и вырос же ты, парень! Пошел в гору! А ведь раньше из-за одиночества такие сцены закатывал... Ха-ха-ха! И впрямь — лучший ученик Государственного наставника!

Неужели все, кто мнит себя старшими, обязаны нести подобную чушь, когда дети вырастают? И вообще, чего это он так радуется?

— Генерал Сун, — я прервал его смех, — вы так и не ответили: почему вы, истекая кровью, рухнули в моем саду?

Услышав это, он перестал смеяться и, тщательно припоминая события, произнес:

— Как именно я сюда попал — сам не пойму. Несколько дней назад я получил тайное письмо от Государственного наставника. Он просил меня немедленно и скрытно вернуться в столицу для обсуждения важных дел. Когда до Шэнцзина оставалось лиг двадцать, на меня внезапно напала группа людей в черном. Чтобы не терять времени, я взял с собой лишь двух подчиненных, но оба они пали от рук убийц. Только мне удалось вырваться и бежать к городу. К тому времени я уже получил стрелу в спину, да и правую руку мне задела мечом. В полузабытьи я нырнул в какой-то сад. Но то место оказалось странным — повсюду мерещились ловушки и тайные механизмы. Я думал, что мне конец, но ты спас меня.

Я мысленно пожурил этих безвкусных древних наемников. Вечно они кутаются в черное с головы до ног, будто боятся, что их не примут за убийц. Тени из моей Башни Небесной Казни никогда не позволили бы себе подобной пошлости — у каждого из них свой неповторимый стиль. Но если вернуться к делу... Тот странный сад, о котором он говорил, — это ведь и была моя усадьба.

— Стало быть, тот сад и был твоим поместьем? — Он посмотрел на меня со сложным выражением. — Не думал, что ты так искусен в создании ловушек и оборонных схем.

«Это не ловушки, а построение Пяти стихий и Восьми триграмм», — хотелось ответить мне, но, понимая, что он все равно не поймет, я ограничился вежливой улыбкой.

— Просто базовые меры безопасности. Не думал, что они причинят вам вред.

—... Какие меры?

— Ах, неважно. Те люди наверняка не успокоятся, пока не увидят ваш труп. Здесь безопасно,

так что оставайтесь и залечивайте раны.

— Благодарю. Послушай, если Наставник вызвал меня в столицу, значит, случилось нечто крайне важное. Я должен немедленно его увидеть.

— В таком состоянии вы и шага не сделаете.

— И все же мне необходимо встретиться с ним. Цинмин, ты можешь пригласить его сюда?

Притащить сюда Юйвэнь Му? Да это же верное самоубийство! Я угрюмо молчал, а затем спросил:

— Неужели вы не знаете, что Наставник находится под домашним арестом?

— Под арестом?! — Он вздрогнул, и лицо его мгновенно стало суровым. — Это Император? Почему?

Я не спешил с ответом — как раз в этот момент принесли отвар. Не мог же я признаться, что именно я посоветовал государю Восточной Мин запереть его под замок. Сун Хуаймин меня бы просто пришиб.

— Это долгая история. Вот когда поправитесь...

— Нельзя ждать! — Он попытался подняться с постели. — Теперь понятно, почему Наставник так спешил. Оказывается...

— Да не так уж он и спешил. Его держат взаперти уже три года...

После моих слов он замер, не сводя с меня широко раскрытых глаз. Признаться, после нашей встречи я увидел на его лице столько эмоций, сколько не видел за все время нашего прошлого знакомства. Его ледяная маска наконец-то дала трещину. И это был прогресс.

— Три года...

— Да. Вскоре после восшествия на престол новый император нашел предлог и запер его в поместье Государственного наставника. За каждым его шагом следят, он не может выйти за ворота.

— Как же так...

Он выглядел совершенно раздавленным, и тут до меня дошло: все эти вспышки эмоций были

связаны исключительно с Юйвэнь Му.

В душе шевельнулась какая-то странная досада, но я привычно ее подавил. Уложив его обратно и укрыв одеялом, я лишь сокрушенно покачал головой. Голый, раненый, а туда же — рвется в бой.

— Цинмин, придумай что-нибудь! Разве среди постояльцев твоего заведения нет влиятельных вельмож? Ты ведь такой способный, ты точно найдешь выход!

«Не постояльцев, а членов клуба», — поправил я его про себя. Видя его фанатичное упрямство, я не находил слов. Юйвэнь Му вызвал его, потому что Девятый принц начал действовать? Жаль только, что я в этой игре не на их стороне. Похоже, и нам пора начинать. Одним из условий успеха всегда была удача. И то, что Сун Хуаймин, преследуемый убийцами, угодил прямо ко мне в руки — редкое везение. Хоть разведка Башни Небесной Казни работает быстро, узнай я об этом из донесений, было бы уже поздно.

— У Наставника наверняка были веские причины. Я постараюсь что-нибудь разузнать. А вы пока отдыхайте. В немощном теле толку мало, верно?

Я успокоил его парой слов и как бы невзначай взмахнул рукавом перед его лицом. Он тут же провалился в глубокий сон. За эти годы, работая над снадобьями для Башни Небесной Кары, я не только совершенствовал яды, но и преуспел в создании усыпляющих средств. Теперь он проспит как минимум неделю — этого времени хватит, чтобы его раны начали затягиваться.

Спустившись вниз, я увидел Сун Нина, ожидавшего меня в главном зале. С каким-то странным выражением лица он сразу начал расспрашивать о состоянии генерала. Я окинул управляющего долгим взглядом, пока тот не начал ежиться от неловкости.

— Что с тобой? Ведешь себя странно. Погоди-ка... Вы ведь оба носите фамилию Сун. Неужели у вас с Сун Хуаймином общее прошлое?

— Фамилия Сун встречается на каждом шагу, с чего бы мне иметь с ним общее прошлое! — завопил он, хватаясь за голову. — Это у тебя с ним «прошлое»!

— Не ори. Ответь мне лучше вот на что, — ледяным тоном начал я, — «культурный центр», «жемчужина столицы», «первый красавец» и «богатейший купец» — это ведь твоих рук дело?

— А? Ха... ха-ха... Ну, знаешь...

— Я. Не. Знаю.

— Да ладно тебе, не кипятись. Слухами земля полнится, умный человек в них не поверит.

— Тебе что, просто весело?

Сун Нин осекся, поняв, что попал в точку. Я с головной болью вспомнил тот день, когда решил использовать «эффект знаменитости» для рекламы. Знай я тогда о его пакостной натуре, никогда бы не доверил ему продвижение усадьбы.

— Ладно, забудь. Есть дело.

При этих словах он мгновенно азартно оживился. Я и сам приободрился.

— Лиса скоро выйдет из норы. Готовь сети в эти дни.

— О? А почему я не слышал?

Я указал пальцем на потолок.

— Случайная встреча. Кажется, удача на моей стороне.

Он хитро ухмыльнулся.

— Будет сделано! Мы столько готовились, провала быть не может!

— Это мы еще посмотрим.

—? — Он в изумлении разинул рот. — Быть не может. Неужели ты сомневаешься в успехе?

— Гость, прибывший с севера, в последнее время ведет себя подозрительно.

Сун Нин посерьезнел.

— Его передвижения и впрямь странные, но северянам нет резона выступать против нас.

— Однако они что-то затевают в самой столице. Боюсь, их цели могут пересечься с нашими...

— «Эффект бабочки», да?

— Верно подметил.

Способность Сун Нина схватывать все на лету была его главным достоинством. Любые новые

термины и концепции, которые я вводил, он усваивал мгновенно. Это было обязательным условием для моего ближайшего помощника. Но такая монета имела и обратную сторону: если бы такой человек стал моим врагом, совладать с ним было бы непросто. Именно поэтому в свое время я заставил его задолжать мне огромную услугу. К счастью, понятия верности и чести у древних куда сильнее, чем у людей моего времени. Предательство легло бы на него несмываемым позором, к тому же, когда Сун Нин пришел ко мне, за его плечами уже было одно отступничество. Будучи бывшим заместителем главы Башни Плывающих Облаков, он обладал гордостью, превышающей обычную. Поскольку я спас его, вероятность его предательства была ничтожно мала.

— Когда начнешь подготовку, не ослабляй надзор. Юйвэнь Му, Девятый принц, Император, Сун Хуаймин и наш северный гость — никто не должен выпасть из поля зрения.

— Слушаюсь.

— Ах да, чуть не забыл, — я окликнул его, когда он уже собрался уходить. — Где Цзиньжунь? Его уже несколько дней не видно.

Сун Нин обернулся и посмотрел на меня с видом брошенной жены.

— Неужели ты наконец-то вспомнил о его существовании...

— Что еще за мина? — У меня по спине пробежал холодок.

— Эх... Бедный мальчик, до чего же мне его жаль! Впервые в жизни влюбился, и получил такой жестокий отпор. Хотел подарить безделушку в знак любви, а его за это еще и отчитали...

— Хватит, — я почувствовал, как на лбу вздулась вена. — Сами его испортили, а теперь жалеете! Я с тебя еще спрошу за это. Так где он?

— Если бы ты и впрямь о нем заботился, то и сам бы знал.

Выйдя из Башни Небесной Кары, я поймал себя на мысли, что и впрямь беспокоюсь за Цзиньжуна. Давно мы не виделись. Я посмотрел в сторону внешнего двора — праздник фонарей уже закончился, верно? Цзиньжунь обожает шумные сборища, неужели он пропустил гулянья в этом году? Обычно он возникал передо мной каждый день, словно из ниоткуда, а тут исчез. Это было не к добру.

Вернувшись в Павильон Парящего Феникса, я напрямик направился к комнате Цзиньжуна. Окна были темными. Неужели он уже спит? Я заглянул в решетчатое окно, но тут же одернул себя — что там увидишь в такой темени? Повернулся, чтобы уйти, но из комнаты донесся звук.

— Цинмин!

Дверь распахнулась, и за спиной раздался знакомый голос. Я не успел обернуться, как оказался в крепких объятиях. Его руки сжали меня так сильно, что стало больно, но знакомый запах принес странное чувство покоя. Уткнувшись носом в его грудь, я глухо пробормотал:

— Я сегодня встретил нашего старого знакомого. Угадай, кого?

— Кого?

Его голос тоже звучал глухо. Видимо, все еще дует из-за нашей размолвки.

— Сун Хуаймина.

— А это кто?

Я поднял голову и, убедившись, что он смотрит на меня с искренним недоумением, тяжело вздохнул.

— Тот самый человек, которого ты в свое время опоил лекарством из миски.

Он ненадолго задумался, издал неопределенное «о» и еще крепче прижал меня к себе.

— Послушай... отпусти меня сначала, хорошо? В таком положении неудобно разговаривать.

Он нехотя разомкнул руки и затащил меня в комнату, зажигая светильник. Только сейчас я заметил, как давно не заходил к нему — в комнате царил небывалый беспорядок.

— Куда ты пропадал все эти дни? — начал я, чувствуя некоторую неловкость. — Прости, что наговорил лишнего в прошлый раз.

Он посмотрел на меня, и в его глазах плясали странные огоньки. Я поспешно добавил:

— Но я не изменю своего решения. Я не могу принять твои чувства.

— Почему? Почему ты не любишь меня, Цинмин? Скажи, я ведь могу измениться!

— Дело не в этом, — я потер виски от подступающей головной боли. — Мои чувства к тебе совсем иного рода. Это нельзя исправить твоими переменами. Что бы ты ни делал, как бы ни менялся — я не смогу изменить свое отношение в ответ.

Договорив, я понял, что фраза вышла путаной. Поймет ли он?

Разумеется, он посмотрел на меня с полным непониманием.

— О чем ты говоришь, Цинмин? Я не понимаю.

— Это значит, что каким бы ты ни стал, я никогда не буду испытывать к «Симэнь Цзиньжуню» ничего, кроме дружеской привязанности. Мы с тобой можем быть только друзьями. И никем больше.

Он долго размышлял над моими словами и наконец, кажется, осознал их смысл. Его голова понуро опустилась. Я попытался его утешить:

— Цзиньжунь, ты встретишь еще много достойных людей. То, что ты чувствуешь сейчас — лишь мимолетное наваждение. Если ты примешь его за истину, то потом, когда встретишь ту самую единственную любовь, будешь горько сожалеть. Не торопись с выводами...

— Это ты ничего не понимаешь, Цинмин.

— Что?

Он поднял голову и посмотрел на меня с нестерпимой мукой.

— Наваждение это или нет — мне знать лучше! Это ты ничего не понимаешь! Не хочешь принимать мои чувства — ладно, но зачем ты их отрицаешь? Называешь «ошибкой»... Тебе просто не нравлюсь я, верно? Я просто хочу знать причину!

Похоже, я перемудрил и в итоге сам получил урок. Причина? Я грустно улыбнулся.

— Потому что здесь... — я прижал ладонь к груди и открыто посмотрел на него. — Здесь уже все занято. Места не осталось ни для тебя, ни для кого-то другого. Понимаешь ли ты это чувство? Когда сердце заполнено чем-то одним без остатка?

Он замолчал, а затем медленно кивнул.

— Понимаю. Потому что мое сердце... оно тоже заполнено. Вот здесь, — он в ответ коснулся своей груди, — здесь все занято тобой, Цинмин.

Его взгляд стал яростным и пожирающим. Неужели это и есть взгляд по-настоящему влюбленного человека? Я перестал уговаривать его сдаться. В самой глубине моей души что-то болезненно кольнуло. Эта одержимость... на самом деле, она была мне знакома. Ведь я испытывал то же самое — по отношению к другому человеку.

Я беспомощно улынулся. Кажется, я лгал самому себе.

<http://bllate.org/book/17477/1694785>